

18+

Алеся Шаповалова

Ипостаси

любви

Алеся Шаповалова

Ипостаси любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760854

ISBN 9785449820686

Аннотация

В своём творческом поиске автор проходит путь от восторженной лёгкости ранней любовной лирики, обращённой к традиции Серебряного века, до зрелого осмысления жизненных ценностей – семьи, материнства, веры. То ироничные и игривые, то возвышенно-проникновенные и мелодичные, то чувственные, наполненные легким эротизмом – это счастливые стихи, написанные чисто и органично. Лауреат и дипломант различных литературных конкурсов, в том числе международных.

Содержание

«Когда-нибудь и я...»	8
«Будет свежий хлеб за ночной постой...»	10
«Сердце птицею дрогнуло...»	11
«Люди сходятся и расходятся...»	12
«Преступление? Преступление...»	13
«Она оглянется – и всюду свет...»	14
«Оттого и хотелось тепла...»	15
«Все возвращения банальны...»	16
«Ресничная радость – коснуться, успеть...»	17
«Однажды Машенька и Аннушка...»	18
«На Земле была лишь жизнь одну...»	19
«Боль на бумаге ёжится...»	20
«Ни венца, ни кольца, лишь простыни...»	21
«Ты доверился свече...»	22
«Имя, созвучное моему...»	23
«Тяжбою на плечо...»	24
«Прозрений лихорадка поздняя...»	25
«Гудки через сердце своё провожу...»	26
«Я не заигрывала с Вами...»	27
«Выбрала поле – посеяла боль...»	28
«Море, оно, знаете, всякое...»	29
«Не синицей в руках – журавушкой...»	31
«Память сквозь зубы цедить...»	32

«Каемся, милый! Рядышком...»	33
«Власть покаялись-поплакали...»	34
«Золотой песок – авантюрин...»	35
«Массандровских вин всю сладость...»	36
«Как свыкались мы с тобой...»	37
«Нам ли с тобой делить...»	38
«Моей руки сплетение с твоею...»	40
«Травинкой, в губах зажатой...»	41
«В каждую руку – по пряничку...»	43
«Вы любили маленьких блондинок...»	44
«Я не увижу Вашей старости...»	45
«Спасибо, мой друг полуночный...»	46
«Как Ной голубку в третий раз...»	47
«Как не сойти с ума, вернувшись покаянной...»	48
«Если руки, куда заботливей...»	49
«В параллельном падении, безуспешно пытаясь...»	50
«Припадочно глотая воздух ...»	51
«И, появившись, сразу исчезает...»	52
«Просто расходятся люди...»	53
«Я Вас сведу с ума и отпущу ...»	54
«По длинным полкам заспанной души...»	55
«Растят подруги дочерей...»	56
«Весь мир перевернуть одним звонком...»	57
«Если есть ты такой на Земле, значит ждать...»	58
«Так не предают, а продают...»	59

«Можжевеловый браслет...»	60
«Последняя точка, последней строки – итог...»	61
«Страсти суть. Так вдох глубокий...»	62
«Рядом спал. А нынче где?...»	64
«И сейчас, и потом, зажимая мой кожаный...»	65
«Туманы просятся на холст – пиши!..»	66
«Поговори со мной, неважно...»	67
«Я думала, Вы старше и смуглее...»	68
«Я была дорогой куртизанкой...»	69
«Замёрзшие руки – на пальцы дышу ...»	71
«Диалектика бытия ...»	72
«С недостроенного балкона...»	73
«Искала. Ночи. Города...»	75
«Угловатый камень (остров...»	76
«Выйти в красной юбке узкой...»	78
«В твоих расширенных зрачках...»	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Ипостаси любви

Алеся Шаповалова

© Алеся Шаповалова, 2020

ISBN 978-5-4498-2068-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Когда-нибудь и я...»

Когда-нибудь и я
Войду в пресветлый город.
За всё держать ответ
Настанет мой черёд.
Меня поймёт лишь тот,
Кто тоже был так молод,
Кто сердцем, как мечом,
Колол холодный лёд.

Я всё им расскажу
(слова – такая малость!)
А слёзы будут жечь,
И будет боль – до дна.
Три тысячи ночей,
Собрав в кулак усталость,
Я буду ждать, когда
Мне скажут: «прощена!»

И хлынут вдруг ручьи,
И свет сожжёт одежды,
И по плечам моим
Рассыплет серебро.
И я войду в тот сад,
Где ты – моя надежда,

А я – из живота
Изъятое ребро.

2000

«Будет свежий хлеб за ночной постой...»

Будет свежий хлеб за ночной постой,
Буду я твоя, будешь ты – не мой.
Будем вновь делить неделимый куш,
Буду я – жена, будешь ты – не муж.

А забрезжит свет, и повозка ждёт,
Проведу тебя до своих ворот,
Разломаю хлеб, тот, что за постой,
И вот так тебя отпущу к другой.

2001

«Сердце птицею дрогнуло...»

Сердце птицею дрогнуло:
Может всё это зря?
То не остров был огненный,
А простая заря.

Но забыв про сомнения,
Взяв арбузы и нож,
Поплыву по течению,
Если ты меня ждёшь.

2000

«Люди сходятся и расходятся...»

Люди сходятся и расходятся.
Это проза.
В феврале даже сердце ёжится
От мороза.
Не спасут ни шарфы, ни курточки.
Не согреют.
Ты уйдёшь, и душа на чуточку
Постареет.

2001

«Преступление? Преступление...»

Преступление? Преступление.
Это ты преступил черту,
За которой меня в забвение
Окунаешь, как в пустоту.

А ночами так тянет холодом.
Я забыла, когда спала.
Преступлением, словно долотом,
Выбиваешь куски тепла.

Забываешь меня, а письмами
Утираешь слезливость глаз.
Преступив прописную истину,
Убиваешь обоих нас.

2000

«Она оглянется – и всюду свет...»

Она оглянется – и всюду свет,
Легка и смешлива, как птица.
То «да» вдруг обронит, то скажет «нет»,
То девочка, то блудница.

То строго ресницы опустит, то вдруг
Начнёт хохотать без причины,
Её не выносит чета подруг,
Зато обожают мужчины.

И ты к ней прилип, как к живому теплу,
Наивному славному чуду,
А мне на прощанье так сухо шепнул:
«Тебя никогда не забуду».

1996

«Оттого и хотелось тепла...»

Оттого и хотелось тепла,
Что сберечь я его не могла,
Что из рук моих, как зерно,
Просыпалось в поля оно.
Возвращалось в печи хлебами
То тепло, что делила с Вами.

Белой скатертью стол стелю —
Долгожданному гостю все же!
Угощайтесь, я хлеб делю
Так же просто, как прежде – ложе.

2001

«Все возвращения банальны...»

Все возвращения банальны,
Но снова в поезд я сажусь,
И жду какой-то свежей тайны,
Хотя все знаю наизусть.

И с каждым новым возвращеньем
Старею на год или два.
Одно лишь в этом утешенье:
Во мне рифмуются слова.

2000

«Ресничная радость – коснуться, успеть...»

Ресничная радость – коснуться, успеть,
От света сощурясь, в ладошку уткнуться.
И чувствовать снег за окном, и лететь,
И снегом растаять, и снова – проснуться.

И всё пробуждением своим оживить:
Картины, хрусталь, полутени в прихожей.
И в утро на цыпочках тихо вступить.
И утро впитать и почувствовать кожей.

И знать, что за тысячу вёрст и земель,
За сто расстояний, растянутых в строки,
Ты тоже проснулся. Ты слышишь капель,
И образ твой светлый, прозрачный и лёгкий.

«Однажды Машенька и Аннушка...»

Однажды Машенька и Аннушка
Найдут в бумагах мой портрет.
И скажут: – Вроде бы, прабабушка?
И сколько ж здесь ей было лет?

– Наверно, двадцать, может, с хвостиком,
Смешная, правда? Посмотри,
На обороте легким росчерком,
Похоже, цифра двадцать три?

Ещё стихи, размыто временем.
– Не разобрать, оставь, пустяк!
– Она писала? – Нет, наверное,
Скорее чьи-то, просто так.

И убегут вприпрыжку – тонкие,
Воздушные, как я была,
И будут рифмы златозвонные
Слетать с их школьного стола.

«На Земле была лишь жизнь одну...»

На Земле была лишь жизнь одну,
Сотни жизней буду я землёю.
И когда устанешь – обниму,
Ароматом терпких трав укурю.

И меня не чувствуя ни в чём,
Ты прильнешь ко мне лицом горячим.
Как мы много, милый, отдаем!
И уже так мало в мире значим!

Нежности не ведомы слова —
Счастье в тишине всегда крадётся...
– Господи, как прав ты был, когда
Мне шептал, что он еще вернется!

2001

«Боль на бумаге ёжится...»

Боль на бумаге ёжится.
Разве словами вылепить?
Жизнь, как гармошка, сложится,
Скрипнет: мы рядом были ведь!

Рядом. И руки верили
В каждое из скрещений всех.
И обрастали перьями,
И умоляли: вверх!

Милый мой, верь, как верил мне.
Скоро уж. Знаю, почти не ждать.
Коли уйду я первая,
Буду я за тебя стоять

Пред Богом...

2001

«Ни венца, ни кольца, лишь простыни...»

Ни венца, ни кольца, лишь простыни.

Да и те не белы.

Не фата, а платочек простенький

С головы.

На окне кружева подтаяли.

Аль рассвет?

В феврале с нелюбимым маяться —

Дольше нет.

Как песок из руки, так молодость

От лица.

Заморщились пальцы тонкие

Без кольца.

Так и вышло вот, не заметила,

Что пора.

Приготовила всё, что надобно,

Собрала.

И, крестившись, ложилась медленно

На кровать.

– Отчего же так страшно, Господи,

Умирать?

«Ты доверился свече...»

Ты доверился свече.
То язычницы распятие!
С восковой фигуры желчь —
Вся в ладонь ожогом – нате вам!

Догорела – развела.
Разведённых разуверила.
И тебе и мне сполна
Одиночества отмерила.

По холодным городам,
Где в почёте только идолы,
Жизнь одну – напололам,
И пайком сухим нам выдала.

Ворожба взяла своё —
Все смолола эта мельница!
Милый, были ли вдвоём?
Мне теперь почти не верится.

2001

«Имя, созвучное моему...»

Имя, созвучное моему

Имени.

Снова весна, снова я обяжусь

Ливнями.

Выйду к тебе (на какую гору?

Выше бы!)

И зацветёт, задохнётся гора

Вишнями.

Только скажи, кем ты придёшь?

Птицею?

Женщиной? Песней, что сорок ночей

Снится мне?

Иль первоцветом тончайшим, на час

Видным лишь?

Или тебя не узнаю, а ты

Промолчишь?

И на горе, задохнувшись весной,

Рядом бы

Просто стоять, подгоняя рассвет

Взглядами.

2001

«Тяжбою на плечо...»

Тяжбою на плечо
(хрупкое, глаз бы радовать!)
С плеч твоих – как печёт! —
Ношу твою перекладывать.

Сразу и не поймёшь,
Легче ли? Может, кажется?
Наедине с другой
Имя моё вдруг скажется.

Вырвется – отчего? —
Прямо из сердца – клокотом.
И загрустишь опять
Ты по моим локонам.

Так на кратчайший миг
Рядом, и вновь – обмануты.
И от твоей беды
Плечи рубцами стянуты.

2001

«Прозрений лихорадка поздняя...»

Прозрений лихорадка поздняя
Колотит, и опять прошу:
Оставь меня весной, не осенью,
Пока ещё сама дышу!

Пока ещё черешни пьяные,
И юбок – наноситься бы,
Пока ещё позволят данные
На горло наступать судьбы!

Пока ещё не поздно каяться
И строить до небес дома.
Оставь меня сейчас, мой ласковый,
Пока ещё смогу сама.

2001

«Гудки через сердце своё провожу...»

Гудки через сердце своё провожу.
Вибрируют вены. Возьмите же трубку!
Я сквозь расстоянья Вас нынче бужу
И каждый гудок поглощаю, как губка.

Вы слышите, милый! В чужих городах,
По улицам с выщербленным тротуаром
То странной улыбкой, то взглядом в слезах
Зову Вас, укутавшись плащиком старым.

За тонкую муку надежды – плачу,
Тариф на межгород растёт постепенно.
Но – видите! – снова на почту лечу,
Гудки запускать, как наркотик, по венам.

2001

«Я не заигрывала с Вами...»

Я не заигрывала с Вами,
Я не кокетничала, нет,
Вы сами сочинили, сами
Во мне какой-то там секрет.

А я не стала Вам перечить,
Мне было странно в первый раз
Выслушивать такие речи
И от таких спастись глаз.

Пусть где-то там я промолчала
Иль засмеялась невпопад.
Послушайте! Я ведь не знала,
Что может значить этот взгляд!

2001

«Выбрала поле – посеяла боль...»

Выбрала поле – посеяла боль.
Всходов ждала, дожди призывала.
В лунную ночь собрала в подол
Жёлтые зёрна – разлуки начало.
После молола в муку – нет белей,
Тесто месила, солила слезами.
Скоро нарядный замрешь у дверей:
– Милая, пахнет-то как пирогами!

Я из печи достану румяный,
Не обожгись, так горячо!
Ешь эту боль, мой долгожданный!
Хочешь ещё?

2000

«Море, оно, знаете, всякое...»

Море, оно, знаете, всякое.
Можно за тридцать. Вот это – сто.
Здесь багет подороже, лаковый.
Здесь... ах, нет, это горы, не то.

Вам бирюзу или бледно-синее?
Чтобы штормило? Тогда сюда!
Дороговато, но, право, стильное!
Видите, как хороша вода!

Или вот это, почти Айвазовского,
С парусом, нравится? Выбор большой!
Вам подошло бы что-нибудь броское
К имиджу, что-нибудь, ну, с душой.

Вешать куда полагаете? В комнату?
В офис? Такое везде подойдёт!
Эй, уважаемый! Чутьочку в сторону!
Видите, дамочка море берёт!

Ну отойдите же! Или быть может
С лесом Вам что-нибудь подобрать?
– Я... спасибо. Наверное, всё же
Завтра – простите! – зайду опять...

2001

«Не синицей в руках – журавушкой...»

Не синицей в руках – журавушкой
(все-то пёрышки – чистый шёлк!)
Я хвалилась, я знала, славный мой,
И в любви, и в веселье толк.

Как удерживать было странно мне
Эти два голубых крыла,
И какими ночами пряными
Я из рук твоих дождь пила!

И стора к утру рябиною
(нам бы каяться сотни лет!),
Я казалась такою сильною,
И казалась – желанней нет.

Отсчастливилось. Всё отмерено.
И ни пёрышка мне в подол.
Только тени от крыльев – серые,
Ты ушёл...

«Память сквозь зубы цедить...»

Память сквозь зубы цедить
Медленней, слаже, тише.
Память, как лето, длить,
Чтобы опять – ближе.

Чтобы прильнуть, и —
Дрожь от щеки колкой,
Чтобы глоток – вглубь
Памяти столь – долгой.

Памяти... кто ж знал,
Что сединой – мерить?
Милый, благодарю,
Что до сих пор – верить!

2001

«Каемся, милый! Рядышком...»

Каемся, милый! Рядышком
Как хорошо спалось!
Лучше сейчас каяться,
Чем бы всегда – врозь.

Чем бы ни рук – плясками —
Что ж, коли так люб? —
Лучше сейчас каяться,
Чем бы ни знать губ

Ваших – вся сладость патоки,
Теплых касаний вязь...
Лучше сейчас каяться,
Чем бы не знать Вас!

2001

«Всласть покаялись-поплакали...»

Всласть покаялись-поплакали,
Пережили, да забудется!
Потеплело и подтаяло,
Или с радости так чудится?

И гармошкой провожаема,
Напоследок снегопадится.
Ах, зима, подружка шалая!
Все у нас с тобой не ладится!

Мне сегодня бы на саночках,
Да блины в зубах с вареньицем.
Попрощаемся, красавица,
Ну а завтра жизнь изменится!

2001

«Золотой песок – авантюрин...»

Золотой песок – авантюрин,
На запястье – ситцевое лето.
Радость (и всего-то миг один)
Выпала из рук моих браслетом

Тоненьким – не склеить, не скрепить,
Камушкам под пальцами крошиться.
Снова расставанья пригубить,
Снова одиночеством напиться.

Но по пляжам – видишь! – торгаши,
Гривною надежда – на запястье.
Что же, коли надоба во лжи
Нам сильнее надобы – во счастье!

2001

«Массандровских вин всю сладость...»

Массандровских вин всю сладость
В один бокал и глоток.
И сон на мансарде белой,
Как омут страстей, глубок.

А ты, виноградарь смуглый,
Меня не тревожь во сне.
Теперь я уж точно знаю,
Что правда – в твоём вине.

2001

«Как свыкались мы с тобой...»

Как свыкались мы с тобой,
Как срастались.
Как по миру столько лет
Отмотались.
Что осталось? Сарафан,
Пара кофточек
Да прокисшее вино —
Вкусом косточек.
Не жалею. Что жалеть?
Всё сбывалось.
У камина без огня
Согревалась.
По уходу все долги —
На списание.
До свидания, мой друг,
До свидания!

2001

«Нам ли с тобой делить...»

Нам ли с тобой делить
Небо, кроить на части,
Тем, для кого жить
Было под ним – счастье?

Тем, для кого хлеб —
Радость к столу – вместе.
Много ли есть неб,
Где о любви – вести?

Так одеяло сквозь сон
Тянут – в тепле потреба.
Тянем, да с двух сторон
Наше с тобой небо!

Нынче-то на засов
Мир, где так сладко спалось —
Небо, под коим всё,
Что кроме нас – малость!

В стену – холодным лбом:
Крыльность моя – в небыль.
Крашеным потолком
Мне без тебя – небо!

Что ж, целиком бери,
Стоит ли мелочиться?
Нашему – хоть раздери! —
На двоих не делиться!

2001

«Моей руки сплетение с твоею...»

Моей руки сплетение с твоею,
На сто пространств – единственный полёт.
Вселенная пуста, одно лишь греет,
То, как рука к руке в полёте – льнёт.

И только это светлое касание
Имеет смысл – единственно простой! —
Моих миров сплетение случайное
С твоей рукой.

2001

«Травинкой, в губах зажатой...»

Травинкой, в губах зажатой,
Вся зелень – в один укус,
Царапала небо ватное
И пробовала на вкус.
Сладчайшее, вместе питое
И пролитое – в лета
То небо, где гнёзда свиты все,
И врозь наши два гнезда.
Всего-то нам дан воскресный был
Ворованным раем – час.
О, сколько сложилось песен бы,
Коль было б гнездо у нас!
Красивая и безумная,
К стволам припадая лбом,
Просила: давайте, любый мой,
Сейчас, наконец, умрём!
А Вы молчали, казалось Вам,
Что время пустилось вспять.
И мне – восемнадцать с малостью,
И Вам только двадцать пять.
И всё ещё будет, сложится.
Не надо, не прячьте взгляд!
Зачем Вы меня, хороший мой,
Забыли семь лет назад?

«В каждую руку – по пряничку...»

В каждую руку – по пряничку
Сладкому, и – целовать
Сладко, как только мамочка
На ночь – чтоб крепче спать.

Помнишь, твердила: «Солнышко,
Строятся корабли,
Будет любовь – до доньшка,
Самого дна – земли!

И паруса раскрыены
Алые, глянешь – жгут!
Вина почти настояны
В бочках дубовых ждут

Сладкие. Скоро, Оленька,
Только глаза зажмурь!»
Таёт в ладонях тоненьких
Пряничная глазурь.

2001

«Вы любили маленьких блондинок...»

Вы любили маленьких блондинок.
Я была смугла и высока.
Стать одной из Ваших половинок
Мне б не удалось наверняка.

И лукавить, видимо, не стоит,
На шелках нам рядом не лежать.
Пусть другие руки успокоят
У виска взволнованную прядь.

Сколько светловласых и послушных
Будут на коленях Ваших петь!
Отойдите! Слышите, не нужно
Так легко в глаза мои смотреть!

2001

«Я не увижу Вашей старости...»

Я не увижу Вашей старости.
О нет, не жалеюсь!
На Графской пристани средь парочек
К ограде жалась я.

Передавали нынче, ласковый,
Шторма да грозы нам,
Но море тёплое, от счастья ли,
От солнца – розовое?

А Вы ещё прекрасней прежнего,
Машу косынкою.
И катер тает за безбрежную
Вечерней дымкою.

2001

«Спасибо, мой друг полуночный...»

Спасибо, мой друг полуночный,
Загаданный мне на Пасху,
За травы, что были не скошены,
И в травах – за Вашу ласку.

За то, что вот так, в потёмках,
Сидели со мною в зале.
И гладили, как ребёнка,
И плечи мои укрывали.

Спасибо за чай на веранде —
Тепло со сливовым вареньем,
За то, что стихи мои знали
И слушали вновь – с упоением.

За правую Вашу руку,
Которой мой лоб крестили,
И, милый, ещё спасибо
За то, что легко забыли!

2000

«Как Ной голубку в третий раз...»

Как Ной голубку в третий раз
С надеждою – не век же плавать! —
Из рук пустил, так нынче Вас
Я отпускаю – в Вашу заводь.

Тишайшую! И без стихов —
Там нет нужды стихам писаться!
О, этот мир Вам будет нов,
Там спать спокойными ложатся!

Покой приемлете, пустот
Его почти не замечая?
Вам сердце Ваше нынче лжёт!
Его опутала другая!

А мне осталось лишь прозреть,
Усталость чувствуя висками,
И ничего не захотеть,
Простившись с Вами.

2001

«Как не сойти с ума, вернувшись покаянной...»

Как не сойти с ума, вернувшись покаянной
На землю? Нет! На вздыбленную твердь!
На камни острые, как слово «смерть»,
Которые землёй обетованной

Зовёте вы. О, как угодно звать
Возможно то, к чему вернуться – поздно!
Не лучше ли туда, где можно звёзды,
Как грозди винограда, собирать?

И потому пред небом страх забыть,
Что станет небом всё, что прежде свято:
И страсть, и за неё потом – расплата,
И жажда всё сначала повторить.

Я не приемлю возвращений – всех!
Отжив однажды, хочется ли снова
Узнать, что изначально было – слово,
За коим сразу – первородный грех?

«Если руки, куда заботливей...»

Если руки, куда заботливей,
Чем мои, на плечах – отрадой,
А не ношей, давно холодной,
Значит в обморок листопада

Мне одной упадать безвременно,
Зацепившись зонтом за небо,
И молиться, чтоб память – девичья,
Будто вовсе и рядом не был

Ты, обещанный мне за странности
(сколько странностей даром вышло!)
Я из жизни твоей на цыпочках
Вслед за осенью – неуслышно

Ускользну. И следы туманами
Да подмёрзшей листвой покроются.
Пусть как можно светлей и правильной
Жизнь твоя без меня устроится.

2001

«В параллельном падении, безуспешно пытаюсь...»

В параллельном падении, безуспешно пытаюсь
Побороть параллельность (что возможно едва ли),
Хоть однажды рукою к руке прикасаясь,
Вдруг принять этот мир целиком, без деталей.

И принять параллельность наших судеб, как линий
Без малейшего шанса на пересечение.
Без единственной точки, где возможно – счастливей,
Где возможно на миг задержаться в падении.

Замереть. Отогреться, уткнувшись в колени.
Полною чашей – взхлёб Ваше небо, пьянея.
И забыть (лишь на миг!) безнадёжность движенья
Параллельного, в коем мы оба – стареем.

– Слишком праведно жить – хорошо, – улыбнулась.
Не сошлись. Траектория, видно, плоха.
Только всё же руки хоть однажды коснулась
В параллельном падении Ваша рука.

«И, появившись, сразу исчезает...»

И, появившись, сразу исчезает
Во снах твоих – предчувствие меня.
На зыбкой грани пробужденья тает,
То отпуская, то опять маня.

Тончайшее скольжение полутени
На матовой стене поверх картин:
То плечи вдруг почувдятся, колени,
То взгляд один.

То голос только – песнопенно светел! —
Таким в церквях молитвой – в купола,
Таким читают малолетним детям,
Собрав их возле круглого стола.

Играю? Нет! Все игры позабыты.
Я всё решила, так тому и быть:
Я скоро в дом твой постучу открыто,
И ты меня не сможешь не любить!

«Просто расходятся люди...»

Просто расходятся люди
От пустоты квартир.
От недостатка прелюдий
И от нехватки сил.

И заживляя раны
Старые по углам,
Строят отдельно планы.
Так суждено и нам.

Счастье ещё возможно,
Если бы врозь, а так...
Господи, как же сложно
Сделать последний шаг!

2001

«Я Вас сведу с ума и отпущу ...»

Я Вас сведу с ума и отпущу —
С ума сведённых у церкви жалеют! —
И нежность, словно деньги, просвищу
Стозвонно, так, что губы немеют.

Идите же, другим мои стихи
Раздаривать, отмеривать аршином,
Кроя на незаконченность строки,
Как ткань на лоскуты – по чьим-то спинам!

Идите же, пока ещё снега
Не выстлали пути, пока прилежно
Сжимает карандаш моя рука,
И Ваше возвращенье неизбежно.

2001

«По длинным полкам заспанной души...»

По длинным полкам заспанной души,
Как архивариус, храню смиренно
Моей любви цветные витражи
В багете позолоченном измены.

Там вязаная кофточка в цветах
И жаркий шёпот: Господи, помилуй!
Когда душе неведом был тот страх
Любви, какую обладала силой!

Я к длинным полкам выйду босиком,
Все имена любимых называя.
Я к вам вернусь когда-нибудь, потом,
Себя, другой, ни в чём не узнавая,

Забвению предав свои стихи,
На новый круг от новой выйду точки.
И будут крылья витражей – легки
В полёте за изменчивостью строчки.

«Растят подруги дочерей...»

Растят подруги дочерей,
А мне не хочется,
И что же это в голове
Моей морочится?
Какая дурь (иль благодать?),
Когда в ней каяться?
Детей бы надо мне рожать —
Стихи рождаются.
И кто бы запросто сказал:
«А стоит мучиться?
Хреновый, деточка, поэт
Из Вас получится!»
Какая б тяжесть – с плеч моих
Феноменальная!
И как бы радовался муж:
Жена – нормальная!

2001

«Весь мир перевернуть ОДНИМ ЗВОНКОМ...»

Весь мир перевернуть одним звонком,
Слежавшийся, как старая бумага,
Болезненно-привычный, что знаком
От первого до заданного шага.

Приевшийся, движением руки,
Несущей трубку к уху, вдруг – разрушить
Затем, чтоб говорить тебе стихи
В ответ, а после снова – слушать.

И задышаться патокою слов,
Обманутою быть почти желая,
Не понимая смысла и основ
Стихосложения почти не зная.

С любовью, как с сумою, по полям
Цыганскими напевами гонимы,
Уйти вдвоём. И счастье – пополам,
И две души в одной – неуловимы.

«Если есть ты такой на Земле, значит ждать...»

Если есть ты такой на Земле, значит ждать,
Нашивая на платья лета и вёсны,
Значит верить, и после, потом не сказать:
«Столько лет ни следа, а теперь уже поздно».

Может явишься ты в самый поздний мой срок,
И глаза закрывая, скажу я устало:
«Я ждала тебя жизнь», – и в ответ на упрек
Ты прошепчешь легко: «Мы начнём все сначала».

2001

«Так не предают, а продают...»

Так не предают, а продают,
Ярлыки навешивая с ценами.
И по-прежнему вдвоём живут,
Отгораживаясь боли – стенами.

Вместе пьют, едят и вместе – спят,
(тело рядом – рыночную тушкой).
И совсем (совсем!) не говорят.
В доме звук – одни часы с кукушкой.

И, застряв всего шагах в пяти
От разрыва – вздох, одна минута! —
Понимают, что назад идти
Проще и привычней почему-то.

2002

«Можжевеловый браслет...»

Можжевеловый браслет
Да лаванды горсть сухой —
Запахи моей любви —
Всё в руке одной.
Надышаться (в сотый раз!),
Вот отрада – боль!
Кто любил тебя ещё
Сильно столь?
Кто любил тебя вот так,
Лбом горячим – в кровь
Расшибаясь? Кто любил
В мире, где любовь
Запахом была и тот
Запах краток был?
Кто тебя ещё вот так
Бешено любил?
Можжевеловый браслет
Да любовь – в горсти.
Милый, через столько лет —
От-пу-сти!

«Последняя точка, последней строки – итог...»

Последняя точка, последней строки – итог.
Черта, под которой не будет уже строк.
Нажимов, уколов, и желчи, и ран – всех!
Зачем мы теряем? Возможно, найти тех,
Кого упустили, когда, задыхаясь – бред! —
Под марш Мендельсона летели теплу вслед?
Зубами – в слезах! – в эту память впиваюсь – рвать!
Темно. Валидол под язык. И к другим – спать.

2002

«Страсти суть. Так вдох глубокий...»

А. Ягудину

Страсти суть. Так вдох глубокий
И – рывок!
Мальчик, кто Вы?
Светлоокий новый бог?
Если есть другие боги —
Пусть простят!
Двадцатидвухлетний строгий
Светел взгляд.
Смех и лёгкое скольжение,
Взмах и – взлет!
Примет каждое движение
Ваше – лёд!
Примет, ляжет белокрыльно
В ноги – петь!
Светлоокий мальчик сильный,
Как смотреть
Мне на Вас легко, едва ли
Кто поймёт!
Март. Весна ещё в начале,
Прочен лёд.

«Рядом спал. А нынче где?..»

Рядом спал. А нынче где?
У какой стены?
Кто – меня нежнее – спит
С левой стороны?

Кто подушечку подбил?
На ночь целовал?
Чьей простынкою укрыт
Тот, кто рядом спал?

Заводил будильник кто?
С кем чуть свет вставать?
Засыпаю. Ничего.
Надо привыкать.

2002

«И сейчас, и потом, зажимая мой кожаный...»

И сейчас, и потом, зажимая мой кожаный
Перетёртый браслет, что тебе отдала,
Ты в который уж раз повторишь: непохожи мы,
Так зачем же, зачем эта встреча была?

Но не нам ведь судить, сотни встреч разрешаются,
Значит надо мне было приехать опять.
Просто так не расходятся и не сплетаются
В этом городе люди, пора бы нам знать!

Лотерейным билетом (хоть что-то да выпало!)
Выдаются такие нам светлые дни.
Я вдыхаю июль золотистый да липовый,
В Севастополе ночь зажигает огни...

2002

«Туманы просят на холст – пиши!..»

Туманы просят на холст – пиши!
Нетерпеливо ждут холодной акварели.
В тумане две случайные души
Случайно отгорели.

И был ноябрь напрасным и пустым,
Пустым – нетронутым холстом без света.
И две души – единый пилигрим —
Исчезли где-то...

2002

«Поговори со мной, неважно...»

Поговори со мной, неважно
О чем, ну хочешь – о погоде.
Как в этой суете бумажной
Без слов твоих вся жизнь проходит!

Без слов твоих... Ложатся зимы
На город, папа, замерзаю!
Я каждый день неотвратимо
Тебя, как в первый раз, теряю.

Хоть шёпотом, от всех украдкой,
Хоть слово, хоть полслова – что-то!
И я, склонившись над тетрадкой,
Твой голос запишу по нотам

И отпущу. Самой однажды
Услышать нечто в этом роде:
Поговори со мной, неважно
О чем, ну хочешь – о погоде.

2002

«Я думала, Вы старше и смуглее...»

Я думала, Вы старше и смуглее,
Вы виделись мне с посохом, в горах.
Одно лишь знала точно, как умеет
Ваш голос приручать долинных птах.

И голосу я Вашему внимая,
Взлетала на такую высоту,
Где на пологих склонах снег не тает,
И видится все ясно за версту.

Мне грезилось, Вы близко, очень близко,
Всего-то сильный взмах крыла – один!
Но голос Ваш таинственный и низкий
Вдруг таял и терялся в царстве льдин.

И я, назад лететь уже не в силах,
Шептала: «Всё игра и всё мираж!»
И медленно хладела кровь, и в жилах
Лишь теплился спокойный голос Ваш.

2002

«Я была дорогой куртизанкой...»

Я была дорогой куртизанкой,
Вы – солдатом, пришедшим с войны.
Я смеялась: «О, мне не жалко
Вас, коль так Вы, мой друг, пьяны!»

Дорогие шелка взлетали
И ложились у наших ног.
Вы в ответ мне что-то шептали,
Задыхаясь, и, видит Бог,

Я почти Вас любила или
Мы играли? Не в этом суть!
О, какие цветы – забыли? —
Вы охапками мне на грудь

Опускали! Слова рождались
На губах, и к губам – ласкать
Полушёпотом отправлялись.
Как же долго хотелось спать

На плече Вашем загорелом
Легкомысленнейшей из дев!
Прижимаясь горячим телом,
Как корой – к сердцевине дров,

К телу Вашему – приголубить
(так дитя в расставанья час!),
Понимая, что схожесть судеб —
Это то, что разводит нас.

До утра доживём ли? Тише!
В будуаре, где всё лишь – сны,
Мне казалось, я ясно слышу
Горны Вашей святой войны.

2002

«Замёрзшие руки – на пальцы дышу ...»

Замёрзшие руки – на пальцы дышу —
Сжимая, к губам... – Не трожь!
– Ты как? – Ничего, не жалею, прошу!
Срывается голос – в дрожь.

У пропасти, за которой моря
Бездонные, легче – лечь.
– Ты плакала? Нынче твои глаза...
– Не надо, они от свеч

Церковных, по блюдам уже не собрать
Растёкшийся воск – в свечу...
– Ты плакала... – Да! Вечерами – да!
И утром – опять хочу!

И город вдруг стал мне – мошенник, тать,
Хожу, не подняв лица.
– К любимому ехала? Целовать?
– Нет. Хоронить отца.

«Диалектика бытия ...»

Диалектика бытия —
Все проходит, пройду и я!
Плеч сутулость и тонкость рук,
Тихий выдох, ресниц испуг,
Танцы в кухне, волос пике,
Разворот на одном каблуке,
Нить струны и ромansa нить
Шерстяная, чтоб сны ловить.
Лето тает, как в синем – дым
Самолетов, летящих в Рим,
Самолетов, летящих вспять,
Даже взглядом их не догнать!
Да и стоит ли? Срок всему!
Потянусь к тебе, обниму,
Пей, прекрасный мой визави,
Спелость осени и любви!

2002

«С недостроенного балкона...»

С недостроенного балкона,
Множественным теряясь эхом,
Виноградники оплетая,
Голос длился. Овчиным мехом

Укрывая колени – помнишь? —
Засыпали под звук гитары.
И казался нам мир огромным,
Но надкушенным, то есть старым.

В керосинке фитиль – на вечер.
И не больше. А завтра – темень.
Разливное вино стучало
По вискам. Был закат потерян.

Разрывался маяк, скрывая
Звёзды (скроешь ли?), звёзды – выше!
С недостроенного балкона
(иль достроенной полукрыши?)

Возноситься легко. Ты помнишь
Вознесение? Крылья – били.
В сентябре нам ещё казалось,
Мы любили.

2002

«Искала. Ночи. Города...»

Искала. Ночи. Города.
Вокзалы – жизни рваный край.
А в пальцах – белая слюда —
Стаканчик пластиковый – чай.

И мимо окна. Сколько их!
Невесть – куда. Невесть – зачем.
Ужимки, сумки, проводник
В своём купе – хмельной совсем.

И стынет чай. А на табло —
Любой маршрут: Берлин? Мадрид?
– Вам в городе каком везло?
Где из окна был краше вид?

То жизни, а не поезда.
Чужие жизни – мимо! – но
Куда вы едете? – Куда?
Мне всё равно...

2002

«Угловатый камень (остров...»

Угловатый камень (остров,
Выпятивший суть стихии
Из нутра её, и рвущий
Ту стихию острым краем!) —
Тут наяды плавниками
Жемчуг брали и в чужие
Отдавали руки. Жемчуг
Краше, коли отдаваем.

Таинства свершались, камнем
Все скрываемы, доколе
Под рукой моей планктону
В августях – перечить небу,
Озаряя всех пришедших
(иль заплывших?), поневоле
Жаждущих тепла – от камня,
В камне ищущих – потребу

Древнюю. Из самой глуби,
Где дыханье лишь в зачатии,
Отдаваемо – услышать
С губ сбежавшее: «Однажды
Милый, встретимся на камне?
Я уже пошила платье

Лучшее, и дни считаю,
И как месяц длится каждый».

Камень – остров, где Колумбом —
Я, и я же – цепким крабом
(в прошлое, мой друг, возможно ль
Десятью ногами впиться?).
Я, должно быть, Вам когда-то
Представлялась светом слабым.
Вы теперь меня – слабее!
Камень тот Вам тоже снится!

Вырванный из глотки моря
Волат стонущий: «Возьми же
Страсть! Сумеешь ли? Открытых
Не боишься ран?» Ступенью,
Приступом – пред входом в небо
(выгнешься – и небо ближе!)
Камень, на котором рядом
Я стою – твоею тенью.

2002

«Выйти в красной юбке узкой...»

Выйти в красной юбке узкой,
Шпильки, рыжая копна,
Вся оборочками блузка,
Грудь – ого! – почти видна!

Чтоб лицом к лицу столкнуться,
И на пол-лица – оскал.
Милый, что, не улыбнуться?
Вон какую потерял!

2002

«В твоих расширенных зрачках...»

В твоих расширенных зрачках
Моя любовь живёт, как птица.
Она чудит: то щиплет глаз,
То выпадает, как ресница.
На дне зрачка (такое дно
Морям – на зависть, глубже – небыль!)
Моей любви тончайший – вверх
Тобою выкормленный стебель.
Цепляется за веко – жить!
За веко – горы вековые
Ровнять. А выпустишь из глаз —
Уже зовут глаза другие!

Сомкни! Зажмурься! Не пусти!
Грехом тяжайшим – отпущение
Меня – из глаз твоих. Уйти?
И завтра кто разбудит пением

Две пустоты зрачков? А мне в других
Глазах напишется ли новый стих?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.